

Реализация целей уголовного наказания в отношении осужденных к лишению свободы за экстремизм

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА БУКАЛЕРОВА

Российская академия адвокатуры и нотариата, Москва, Россия
Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия
l_a_buka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2794-5074>

ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА КОЛПАКОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия,
kolpackova.liudmila1975@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9937-8462>

Реферат

Введение: в статье анализируются возможности пенитенциарной системы по реализации целей уголовного наказания при исполнении меры наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных за преступления экстремистской направленности. Акцент сделан на возможностях исправления лиц, зараженных экстремистской идеологией, и предотвращении новых преступлений (как самим осужденным путем изоляции его от общества и получения негативного опыта, так и другими гражданами на его примере). Исследуется отечественный и зарубежный опыт в сфере противодействия тюремной радикализации. На основе статистических данных о сроках лишения свободы и видах исправительных учреждений высказывается мнение о возможности реализации различных схем ресоциализации в ходе исправления осужденных-экстремистов. Даются рекомендации по поводу предотвращения распространения соответствующей идеологии среди осужденных. *Цель:* определить основные современные тенденции и проблемы, связанные с распространением идеологии терроризма в исправительных учреждениях, рассмотреть их в контексте достижения целей уголовных наказаний, выработать обоснованные предложения и рекомендации по повышению эффективности исправления осужденных-экстремистов, профилактике экспансии экстремистской идеологии в исправительных учреждениях. *Методы:* исследование основано на использовании совокупности общенаучных и частнонаучных методов: анализа и синтеза, системного, статистического, логического, формально-логического, социологического, сравнительно-правового, герменевтического. *Результаты:* обобщение статистических данных об общем количестве лиц, осужденных к лишению свободы за последние три года за преступления экстремистской направленности, уровне рецидива среди них, сроках лишения свободы, видах пенитенциарных учреждений, в которых данные осужденные отбывают наказание, показало, что имеются тенденции к увеличению числа таких лиц в колониях общего и строго режимов, а также росту количества лиц, имеющих неснятые и непогашенные судимости, наращиванию рисков религиозной радикализации. Выявлены проблемы, связанные с недостаточной готовностью пенитенциарной системы обеспечивать процессы исправления осужденных-экстремистов с различными ментальными (в особенности радикально религиозными) установками и профилактики экспансии экстремистского радикализма. С учетом отечественного и зарубежного опыта, действительных и потенциальных возможностей отечественной пенитенциарной системы разработаны рекомендации по преодолению выявленных проблем. *Выводы:* в результате проведенного исследования обоснованы, во-первых, потребность в повышении профессионализма персонала учреждений УИС и привлекаемых сторонних специалистов, непосредственно работающих с осужденными-экстремистами; во-вторых, необходимость отделения осужденных-экстремистов от основной массы осужденных посредством создания обособленных участков пенитенциарных учреждений; в-третьих, целесообразность создания специализированной прогрессивной системы исполнения наказаний в отношении рассматриваемой категории осужденных с учетом степени их исправления; в-четвертых, важность внедрения и реализации комплексных программ противодействия распространению идеологии экстремизма в исправительных учреждениях с охватом ближайшего круга общения преступников-экстремистов до их осуждения.

Ключевые слова: экстремизм; преступления экстремистского характера; радикализм; дерадикализация; исправление преступника; ресоциализация осужденного; предупреждение распространения идеологии экстремизма.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Букалерева Л. А., Колпакова Л. А. Реализация целей уголовного наказания в отношении осужденных к лишению свободы за экстримизм // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 2 (62). С. 144–152. doi: 10.46741/2686-9764.2023.62.2.004.

Original article

Implementing Criminal Punishment Goals in relation to Those Sentenced to Imprisonment for Extremism-Related Crimes

LYUDMILA A. BUKALEROVA

Russian Academy of Advocacy and Notaries, Moscow, Russia
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia
l_a_buka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2794-5074>

LYUDMILA A. KOLPAKOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia, kolpackova.liudmila1975@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9937-8462>

Abstract

Introduction: the article analyzes possibilities of the penitentiary system for implementing goals of criminal punishment in the execution of a penalty in the form of deprivation of liberty against those convicted of extremism-related crimes. The emphasis is placed on possibilities of correcting persons pursuing extremist ideology and preventing commission of new crimes (both by convicts themselves by isolating them from society and by other citizens following their example). The article analyzes domestic and foreign experience in the field of countering prison radicalization. Based on statistical data on the terms of imprisonment and types of correctional institutions, the authors propose implementation of various resocialization schemes when correcting convicted extremists. Recommendations for preventing the spread of the relevant ideology among convicts are presented. *Purpose:* to identify key current trends and problems associated with the spread of the terrorism ideology in correctional institutions; consider them in the context of achieving criminal punishment goals; develop sound proposals and recommendations for effective correction of convicted extremists, and prevent expansion of the extremist ideology in correctional institutions. *Methods:* the research is based on the use of a combination of general and private scientific methods: analysis and synthesis, systematic, statistical, logical, formal-logical, sociological, comparative-legal, and hermeneutic. *Results:* the generalized statistical data on the total number of persons sentenced to imprisonment for extremism-related crimes for the past three years, the level of recidivism among them, terms of imprisonment, and types of penitentiary institutions in which these convicts serve their sentences show that there is an upward trend in the number of such persons in correctional facilities of general and strict regimes, as well as persons with unexpunged and outstanding convictions. Trends to increase religious radicalization risks are determined. Problems associated with insufficient readiness of the penitentiary system to ensure processes of correcting convicted extremists with various mental, especially radical religious attitudes, and preventing expansion of extremist radicalism are identified. With regard to domestic and foreign experience, actual and potential capabilities of the domestic penitentiary system, recommendations are developed to overcome the identified problems. *Conclusions:* the author substantiates the need to improve professionalism of penitentiary institution employees and third-party specialists involved in work with extremist convicts; the necessity to separate extremist convicts from others by creating separate sections of penitentiary institutions; the expediency of creating a specialized progressive system for the execution of punishments in relation to extremist convicts with regard to the degree of their correction; the need to introduce and implement comprehensive programs to counter the spread of the extremism ideology in correctional institutions, covering the closest circle of communication of the extremist criminal before his/her conviction.

Keywords: extremism; extremism-related crimes; radicalism; deradicalization; correction of the criminal; resocialization of the convicted person; prevention of the extremism ideology spread.

5.1.4. Criminal law sciences.

Введение

Экстремизм в разрезе проблем различных социально-гуманитарных наук представляется одним из наиболее опасных явлений не только в связи с реальными негативными изменениями в обществе, им порождаемыми, но также в силу существования потенциальной тенденции к эскалации и перерастанию в более радикальные формы, характеризующиеся как террористическая деятельность. И хотя в общей массе осужденных к лишению свободы процент лиц, отбывающих наказание за преступления экстремистской направленности, относительно невелик, перед пенитенциарными учреждениями стоит двоякая задача: с одной стороны, попытаться исправить и ресоциализировать данных лиц, с другой – не допустить криминального заражения экстремистской идеологией прочих осужденных. Отечественный и зарубежный опыт показывает, что возможности пенитенциарной системы по реализации целей уголовного наказания при существующей организационно-штатной структуре в этом отношении весьма ограничены. Прежде всего это связано с тем, что правоприменитель ориентирован на элиминацию симптомов, а не причины болезни. Интерес здесь представляют вопросы не только реализации целей исправления осужденных и предупреждения совершения ими новых преступлений, но и взаимодействия с иными правоохранительными структурами для выявления и дезактивации очагов распространения деструктивной идеологии. Также остро стоят вопросы профессиональной компетентности персонала в части профилактической работы с осужденными различной экстремистской направленности, привлечения специалистов, в том числе в области теологии. Кроме прочего, актуальным видится исследование взаимосвязи сроков лишения свободы, видов и места расположения исправительных учреждений, где отбывают наказание экстремисты и террористы, уровня развития в них криминальной субкультуры и обособления прочих субкультурных групп по национальному, религиозному и прочим признакам. Считаем, что на этой основе можно реализовывать идеи углубления индивидуализированного подхода к вопросам исполнения наказания, в частности разрабатывать дифференцированные схемы ресоциализации осужденных-экстремистов.

Основная часть

Общественная опасность преступлений экстремистского характера представляется законодателю значительно более низкой, нежели общественная опасность преступлений террористического характера. В пользу данного вывода свидетельствует сравнительная характеристика санкций норм об ответственности за те и другие деяния. Так, к примеру, за организацию террористического сообщества (ч. 1 ст. 205.4 УК РФ) предусмотрено наказание в виде ли-

шения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с дополнительными наказаниями в виде штрафа, ограничения свободы или пожизненного лишения свободы, а за участие в нем (ч. 2 ст. 205.4 УК РФ) – в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет с факультативным назначением штрафа. За организацию и руководство экстремистским сообществом (ч. 1 ст. 282.1 УК РФ) законодатель также предусмотрел наказание в виде лишения свободы, но по сравнению с предыдущим составом установил минимальный порог в 2,5 раза ниже, а верхний предел сократил вдвое (без учета возможности назначения пожизненного лишения свободы). Дополнительные наказания в санкции соответствующей нормы также присутствуют, однако в несколько ином наборе. За участие в экстремистском сообществе (ч. 2 ст. 282.1 УК РФ) установлена ответственность не только в виде лишения свободы с назначением дополнительных наказаний по усмотрению суда, но и в виде штрафа в качестве основного наказания. В обоих случаях предусмотрено специальное основание освобождения от уголовной ответственности – добровольный отказ от участия в деятельности террористического сообщества или экстремистской деятельности при отсутствии признаков иных преступлений. Для освобождения от ответственности по ч. 2 ст. 282.1 УК РФ выставлено также такое дополнительное условие, как совершение деяния впервые. Здесь возникает вопрос: не является ли упущением законодателя отсутствие данного условия применительно к ч. 2 ст. 205.4 УК РФ? Думается, что нет. Дело в том, что цена добровольного отказа от террористической деятельности, несомненно, высока, поскольку, по прямому указанию законодателя, бывший участник террористического сообщества обязан сообщить о его существовании. В переложении данной нормы материального права на реальную процессуальную и оперативно-розыскную деятельность становится очевидным, что только формальным сообщением о таком сообществе дело не ограничивается. Правоприменитель заинтересован в выявлении и изобличении, прежде всего, организаторов и идейных вдохновителей. Это же наблюдение справедливо и по отношению к добровольному отказу от участия в экстремистском сообществе или организации.

Признавая правильность законодательных подходов к оценке степени общественной опасности экстремизма, нельзя забывать о том, что соответствующая идеология всегда лежит в основе развития идеологии терроризма. Отсюда профилактика менее опасных преступных проявлений опосредованно влияет на эффективность мер противодействия более серьезным.

Несмотря на альтернативность санкций за экстремизм, суды нередко избирают в отношении виновных меры наказания, связанные с изоляцией от обще-

ства. Так, в 2020 г. за преступления, ответственность за которые предусмотрена гл. 29 УК РФ, куда входит основное число деяний экстремистской направленности, учитываемых как таковые без дополнительных условий, было привлечено 304 чел., из них к реальному лишению свободы – 70 (со сроками наказания до 3 лет включительно – 37, от 3 до 10 лет – 24, свыше 10 лет – 9), условно – 175. В 2021 г. осуждено 527 лиц (+42,3 %), из них к реальному лишению свободы – 101 (+30,7 %) (со сроками наказания до 3 лет включительно – 45, от 3 до 10 лет – 44, свыше 10 лет – 12), условно – 370 (+47,3 %). На момент написания статьи имеются лишь данные за первое полугодие 2022 г., однако уже сейчас очевидны тенденции и к увеличе-

нию количества осужденных за преступления данной группы, и к востребованности лишения свободы как меры наказания за них. Так, всего в данный период осуждено 292 чел., из них к реальному лишению свободы – 64 (со сроками наказания до 3 лет включительно – 24, от 3 до 10 лет – 37, свыше 10 лет – 3), условно – 199 [1].

Мы проанализировали конкретные сроки лишения свободы, назначаемые виновным за наиболее типичные преступления экстремистской направленности, предусмотренные ст. 282, 282.1, 282.2 УК РФ, а также уровень рецидива у лиц, совершающих данные деяния [2]. Данные представлены в таблице:

Год	Всего осуждено к реальному лишению свободы	Срок лишения свободы до 3 лет включительно	Срок лишения свободы свыше 3 лет	Осужденные, имеющие судимость	В том числе осужденные, имеющие две и более судимости
Статья 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»					
2020	3	1	2	2	–
2021	6	4	2	9	2
1 полугодие 2022	3	–	3	1	–
Статья 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества»					
2020	4	1	1	1	1
2021	5	1	4	1	1
1 полугодие 2022	2	-	2	1	1
Статья 282.2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации»					
2020	33	24	7	7	1
2021	40	19	21	5	2
1 полугодие 2022	32	13	19	12	4

Как видим, сроки лишения свободы, назначаемые за совершение преступлений экстремистского характера, нередко приближаются к максимально возможной планке санкции за данные деяния. Также мы наблюдаем достаточно высокий уровень рецидива среди рассматриваемой категории осужденных. При этом закономерно встает вопрос о том, достигаются ли при этом цели наказания в части нивелирования отрицательных установок личности, искоренения внедренных в сознание идеологием, развития толерантности по отношению к представителям иной расы, религии, нации, политических взглядов. Не углубляясь в теоретические размышления по поводу корректности постановки таких целей и критическое осмысление самого процесса целеполагания, отметим лишь, что необходимо различать конечный результат, к которому стремятся правотворец и правоприменитель, и процесс его достижения. К примеру, декларированная в ч. 2 ст. 43 УК РФ цель предупреждения совершения новых преступлений, по существу, представляет собой протяженный во времени процесс, который тесно связан с воспитательным воздействием, а также ресоциализацией в пенитенциарный и постпенитенциарный периоды. Предполагается, что конечным его результатом могут выступать формирование определенных стереотипов правопослушного поведения, устойчивых установок

относительно законности способов удовлетворения потребностей, осознание ценности личной свободы и собственных позитивных возможностей. В отдельных случаях это достижимо в той или иной степени. Вместе с тем ряд исследователей практики исполнения наказаний, в числе которых И. А. Уваров [3, с. 28], М. Фуко [4, с. 339], В. Н. Кудрявцев [5, с. 175], сомневаются в соответствующих возможностях пенитенциарной системы. Скепсис ученых вполне понятен. Главным доводом здесь выступает побочный эффект длительного помещения лица в условия изоляции. Дело в том, что, несмотря на все усилия персонала учреждения, в заключении утрачиваются или существенно ослабляются социально полезные связи, теряются профессиональные навыки. Наряду с этим неизбежно включаются приспособительные механизмы криминально-субкультурного спектра, выступающие своеобразным вариантом социализации, вследствие чего референтная группа кардинально меняется. Если в такой группе имеются лица, зараженные экстремистской идеологией, а уж тем более лица, имеющие вполне четкие цели вербовки и рекрутирования в ряды экстремистов новых членов, риск попадания осужденного под их влияние довольно высок. Проблема усугубляется тем, что одним из ведущих психологических качеств личности преступника-экстремиста выступает повышенная внушае-

мость, управляемость, тем более если навязываемые установки замешаны не просто на банальном неподчинении существующей системе норм и правил, а на стремлении к достижению неких высоких целей. Это уже прямой путь к радикализации экстремистской идеологии и перерастанию ее в террористическую, когда оправдываются любые средства. Все это указывает на необходимость не только персонифицированного подхода к организации воспитательной работы с данной категорией осужденных в процессе отбывания ими наказания в виде лишения свободы, но и применения всего арсенала средств пенитенциарного воздействия, включая оперативно-розыскную работу.

Одним из важных моментов в плане реализации целей наказания в отношении экстремистов выступает правильный выбор пенитенциарного учреждения. Разумеется, этот выбор определяется положениями ст. 58 УК РФ, что практически полностью исключает в отношении лиц, осужденных за преступления экстремистской направленности, применение самых строгих правоограничений, связанных с пребыванием в тюрьме.

Большинство осужденных к реальному лишению свободы за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, включая преступления экстремистской направленности, отбывают наказание в колониях общего режима (2020 г. – 38, 2021 г. – 56, 1 полугодие 2022 г. – 33) и колониях строго режима (2020 г. – 25, 2021 г. – 26, 1 полугодие 2022 г. – 25). Значительно меньше осужденных содержится в колониях-поселениях (2020 г. – 7, 2021 г. – 17, 1 полугодие 2022 г. – 5), и отмечаются единичные случаи отбывания наказания в колониях особого режима (2021 г. – 1, 2022 г. – 1) и воспитательных колониях (2021 г. – 1) [2]. К сожалению, созданная еще в 1957 г. отрядная система в таких исправительных учреждениях имеет целый ряд побочных эффектов, которые крайне отрицательно сказываются на эффективности профилактики экстремизма среди осужденных. Прежде всего, она предполагает достаточно тесное общение указанных лиц между собой, что в ряде случаев приводит к деструктивным последствиям.

Комплектование отрядов, как правило, происходит исходя из численной наполняемости, производственной ориентированности, реже – с учетом состояния здоровья осужденных, трудовых навыков и специализации. В этой связи считаем целесообразным также принимать во внимание религиозные воззрения осужденного, его психоэмоциональный статус, особенности социальной адаптации, национальности, места рождения и проживания до осуждения. Однако здесь нет и не может быть каких-то единых унифицированных рекомендаций из разряда, например, что все мусульмане или все этнические русские должны находиться в одном отряде. В ряде случаев может оказаться полезным, наоборот, формирование неоднородных по своему составу коллективов осужденных. При благоприятных условиях и достаточно высоком уровне контроля и надзора со стороны администрации это может способствовать

развитию толерантности к представителям иной конфессии, национальности и т. п., лучшему взаимопониманию. Так называемые семьи осужденных, объединенные по национальному, религиозному принципу, признаку землячества, являются одной из форм социализации, взаимной поддержки и приспособления к вынужденным условиям неволи. Их разобщение может негативно сказаться на процессе исправления, вызвать озлобленность, подавленность и подтолкнуть осужденного к принятию идеалов криминальной субкультуры. Однако эти же самые семьи при наличии в колонии достаточно выраженной группировки лиц отрицательной направленности и вора в законе или авторитетного положенца могут стать основой для формирования преступных организаций и сообществ прямо на территории исправительного учреждения с перспективой продолжения преступной активности и за его пределами. Подобная ситуация характерна не только для российской пенитенциарной системы. Так, в британских тюрьмах мусульманские сообщества становятся своеобразными коллективами выживания. Однако массовое принятие британцами ислама продиктовано стремлением не только снискать поддержку и защиту среди других осужденных того же вероисповедания, но и успешно продвигаться по криминально-субкультурной иерархии, получать соответствующие преференции. За этим стоят исламистские авторитеты-экстремисты, связанные с известными террористическими организациями, такими как Аль-Каида, ИГИЛ. К примеру, тюрьма Уайтмур в Кембриджшире описывается самими же осужденными и охранниками как «место вербовки талибов», где создана благодатная почва для возбуждения ненависти и формирования нового поколения экстремистов [6]. США также обеспокоены проблемой тюремной радикализации. Так, еще в 2011 г. никто предметно не поднимал данный вопрос. Но уже в 2015 г. на слушаниях в Палате представителей США с участием членов комитета по внутренней безопасности, подкомитета по борьбе с терроризмом и разведке, а также трех ведущих экспертов в данной области эта проблема была обозначена как одна из приоритетных. Причинный комплекс радикализации, определяемой участниками слушаний как увлечение идеологией экстремизма с перспективой перерасти в террористическую идеологию, описывается как объединение в тюрьме людей, по разным основаниям недовольных социальной политикой государства и, кроме того, весьма восприимчивых к антисоциальному информационному воздействию, в контексте которого обнажаются сложные проблемы идентичности и принадлежности, обсуждаются экзистенциальные страхи по поводу выживания в тюрьме и отчуждения, ставятся философские вопросы поиска смысла жизни и вслед за этим предлагаются недопустимые способы преодоления возникающих затруднений. Однако американские исследователи рассматривают расовый экстремизм в тюрьмах в качестве более значимой проблемы, нежели проблема радикальной исламизации. Кроме того, они обеспокоены тем, что в пенитенциарных учреждениях формируются банды, нацеленные не на совершение

терактов, а на прибыльный криминальный бизнес, например, связанный с наркооборотом [7].

Факторами риска в отношении распространения в исправительных учреждениях идеологии экстремизма, основанной на ненависти к представителям государственных структур и правоохранительных органов, являются не только признаки развития криминальной субкультуры и наличие лидеров преступной среды, но и выявление большого количества лиц, злостно нарушающих дисциплину и внутренний распорядок. Кроме того, некоторые исследователи выделяют и внешние детерминанты, такие как незаконная деятельность отдельных религиозных (с сектантским уклоном), общественных наблюдательных и других организаций; наличие финансовой помощи, которая поступает от авторитетов уголовной среды, находящихся на свободе и продолжающих заниматься преступной деятельностью; распространение радикальных взглядов в сети Интернет (социальные сети, видеоролики) и через другие средства информации [8, с. 90].

В последнее время в специальной литературе приводятся любопытные данные о появлении так называемых зеленых зон, где тон задают не администрация или криминальные авторитеты, а радикально настроенные исламисты. В особенности это характерно для постсоветских государств Средней Азии, в частности Казахстана и Кыргызстана, где места лишения свободы стали эпицентром радикализации на религиозной основе. Прежде превалировавшая криминально-субкультурная идеология вытесняется экстремистско-исламистской [9, с. 35–36, 46].

Абсолютно справедливым представляется мнение С. С. Оганесяна и С. Х. Шамсунова о важности учета ментальной специфики экстремистов в процессе их ресоциализации [10, с. 14]. Говоря более предметно о религиозной разновидности экстремизма, они делают вывод о необходимости использования мировоззренческих основ самих священных писаний для формирования не только веротерпимости, но и этнической толерантности. Действительно, не зная достаточно глубоко тех явлений, с которыми приходится иметь дело в ходе профилактической работы, невозможно элиминировать истинные детерминанты радикализма и более мягких проявлений экстремизма. Однако, оппонировав указанному выше авторам, следует заметить, что, по нашему мнению, причина преступного поведения экстремистов кроется не в том, что тексты Нового Завета, Корана или других священных писаний предопределяют его направленность, а в абсолютизации искаженного видения и прочтения этих текстов. Ведь если следовать этой логике, то и конституционную норму о свободе вероисповедания можно интерпретировать как дозволение следовать радикальным религиозным течениям, свободно распространять соответствующие установки со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вопрос состоит в правильном и комплексном толковании. Стало быть, корень проблемы лежит гораздо глубже. Необходимо уяснить, кому и зачем нужно, чтобы именно в таком извращенном виде преподносились тексты священных писаний. Ведь, как правило, все цитаты, взятые на вооружение экстре-

мистами и террористами, оказываются буквально выданными из контекста, что иногда кардинально меняет их суть. Разумеется, сотрудникам УИС, работающим с разными категориями экстремистов, необходимо знать, из каких информационных источников подпитывается ментальность подопечных. А для этого программы их подготовки должны включать не только такие предметы, как религиоведение, философия, политология, социология, но и дисциплины, развивающие критическое мышление. Также позволим себе не согласиться с тем, что практически любой психолог, воспитатель и начальник отряда ИУ может «настолько хорошо знать священные писания, чтобы убедительно показать религиозному экстремисту, что его взгляды идут вразрез с теми сведениями о ментальной специфике человека, а также об этапах ментального развития человечества, которые приведены в самих писаниях» [10, с. 15]. Собственно, к подобным выводам пришли и разработчики программ подготовки специалистов по работе с осужденными экстремистами и террористами из НИИ ФСИН России. При всех обобщенных типологических социально-психологических особенностях слишком разнятся у данных лиц индивидуальные свойства личности. Проблема в том, что обработкой сознания новоявленных адептов экстремизма занимаются не любители, а настоящие профессионалы, и противостоять им должны высококлассные специалисты. Это замечание справедливо и в отношении всех других разновидностей экстремистов: сторонников АУЕ, неонацистов, расистов, националистов.

Заметим, что, выкристаллизовывая отдельные виды экстремизма, нам все же не следует абсолютизировать их узкую направленность. Как верно замечает Ю. М. Антонян, исследуя проблемы этнокриминологии, «одним из парадоксов, порождающих религиозный и националистический террор, является то, что националисты и религиозные экстремисты очень остро реагируют на действительные или мнимые обиды, которые причинены их нации, хотя обычно совершенно бесчувственны к тем унижениям и оскорблениям, которым подвергают сами другие нации, отдельных их представителей» [11, с. 154]. Стало быть, следует копать еще глубже в поисках истинных причин нетерпимости и радикализма в обществе. Напрашивается вывод, что решить обозначенную проблему нельзя, ибо невозможно отмотать историю назад и установить всеобщую справедливость. Однако можно осознать и признать ошибки прошлого и жить дальше, стараясь не повторять их. При этом в последние годы мы наблюдаем обратную ситуацию: историю стремятся переписать, переиначить, вытащить старые межнациональные и межконфессиональные причины распри и спекулировать ими в политических целях. И здесь мы опять обнаруживаем реальную причину распространения идеологии экстремизма – наличие сил, которым это выгодно, а также проводников этой злой воли. Задача всех правоохранительных органов, включая ФСИН России, – выявлять их и нейтрализовывать.

Программы противодействия экстремизму в целом и дерадикализации в частности в мировой пенитенциарной практике сводятся к трем основным

направлениям: разрушение и разобщение экстремистских группировок; изменение идеологических установок отдельных экстремистов; бихевиористский подход с основным акцентом на модификацию поведения экстремистов через прогрессивную систему исполнения уголовных наказаний и работу с окружением экстремиста. Так, к примеру, во Франции такие преступники сначала привыкают к тюремному режиму в одиночных камерах в течение 45 дней, затем после определения степени их склонности к исправлению в отношении них поэтапно применяются все более мягкие меры вплоть до возможности работать за пределами исправительного учреждения, условного освобождения [12]. Также во Франции, как и в некоторых других государствах (Узбекистан, Норвегия, Саудовская Аравия), созданы либо отдельные спецкорпуса, либо специализированные пенитенциарные учреждения для содержания радикалов.

Заключительная часть

Учитывая все сказанное выше, во-первых, обособно видится рекомендация об усилении при рассмотрении специальной комиссией исправительного учреждения вопросов комплектования отряда индивидуального подхода, предполагающего более детальное и всестороннее изучение личности каждого осужденного.

Во-вторых, ввиду недостаточно эффективной (прежде всего по объективным причинам) профилактической работы в местах лишения свободы при невозможности ограничения общения с остальной массой осужденных лиц, проповедующих экстремистскую идеологию, в том числе с учетом угрозы радикализации этих взглядов, возникает необходимость обсуждения вопроса о создании выделенных участков исправительных учреждений мультирежимного характера, где бы отбывали лишение свободы осужденные-экстремисты. Представляется, что в силу относительно малой численности последних создание отдельного учреждения нецелесообразно. Данная рекомендация может быть дополнена также тем, что специализированные участки должны создаваться в учреждениях, дислоцирующихся в регионах страны с благоприятной и стабильной социальной ситуацией, а виновные лица должны направляться, вопреки общему правилу, в удаленные от места проживания до осуждения местности в целях разрыва нежелательных связей с прежним окружением.

Считаем, что противодействие распространению экстремистской идеологии в исправительных учреждениях должно основываться на комплексных программах, включающих не только мероприятия внутри отдельно взятых колоний, тюрем или следственных изоляторов, но и работу с той средой, в которой находился осужденный до помещения его в условия изоляции. Эти программы должны охватывать три составляющие: идеологическую, просветительскую, собственно профилактическую. Усилий одного ведомства (ФСИН России) здесь явно недостаточно. К разработке таких программ следует подключать специалистов в различных областях знаний в зависимости от ментальной специфики экстремистов. Одновременно с этим должно происходить совер-

шенствование системы контроля исполнения. Мероприятия должны быть объединены общей концепцией и последовательно дополнять друг друга, а не быть разрозненными, точечными или формальными.

Полезными могут оказаться встречи и беседы осужденных за преступления экстремистской направленности с бывшими членами или организаторами экстремистских сообществ, которые отказались от своих убеждений не под влиянием силовых мер воздействия, а в силу осознания ущербности экстремистской идеологии, возможно, пострадали от вовлечения в такие сообщества и организации.

Однозначно следует поддержать мнение о необходимости углубления знаний сотрудников ФСИН России в области религиоведения, политологии, социологии, психологии. Однако следует признать, что такие сведения позволят лишь при первом приближении определить проблему и установить потребность в обращении за специализированной помощью. Мы считаем обязательным привлечение к работе с осужденными-экстремистами узких специалистов в тех областях знаний, которые непосредственно связаны с исследованием тех или иных видов экстремизма.

Весьма полезным представляется опыт зарубежных стран по применению прогрессивной системы отбытия наказания, приобретающей определенную специфику именно в отношении осужденных за экстремизм. Следует признать, что степень исправления и уровень восприятия пенитенциарных средств воздействия у них могут существенно отличаться. На данный факт следует опираться при выстраивании тактики дерадикализации. Сроки лишения свободы за рассматриваемые деяния вполне позволяют использовать различные схемы ресоциализации, в том числе с учетом практики таких государств, как Ирландия, Франция, по организации постепенного перехода от жесткой изоляции и надзора к полусвободному режиму и освобождению с установлением постпенитенциарного контроля.

Считаем, что воплощение в перспективе изложенных в статье идей будет способствовать достижению целей наказания в отношении рассматриваемой категории осужденных, а также позволит обеспечить:

- физическую изоляцию осужденных-экстремистов в течение всего или большей части срока лишения свободы от общества с целью предотвратить негативное влияние на остальных осужденных;
- усиление мер контроля и надзора за данной категорией осужденных со стороны администрации;
- реализацию принципов дифференциации и индивидуализации процесса исполнения наказания, выбора средств и методов исправительной профилактики в зависимости от роли осужденного в экстремистских организациях, направленности экстремистских убеждений и деятельности (вида экстремизма);
- прицельную работу со специфическими причинами и условиями в механизме индивидуального преступного поведения;
- определение узкоспецифических направлений групповой и индивидуальной психологической и воспитательно-профилактической работы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020, 2021 годы, 1 полугодие 2022 года. URL: <http://cdep.ru/id=79> (дата обращения: 10.04.2023).
2. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020, 2021 годы, 1 полугодие 2022 года. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7069> (дата обращения: 10.04.2023).
3. Уваров И. А. Пенитенциарная профилактика: теоретическое обоснование и проблемы реализации в контексте достижения целей уголовного наказания : моногр. М., 2007. 171 с.
4. Фуко М. Надзирать или наказывать. Рождение тюрьмы. М., 2016. 383 с.
5. Кудрявцев В. Н. Стратегия борьбы с преступностью. М., 2003. 349 с.
6. Kern S. Britain: Muslim Prison Population Up 200 %. URL: <https://www.gatestoneinstitute.org/3913/uk-muslim-prison-population> (дата обращения: 10.04.2023).
7. Terror Inmates: countering violent extremism in prison and beyond. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-114hhrg99746/html/CHRG-114hhrg99746.htm> (дата обращения: 11.04.2023).
8. Ципилев С. Н. К вопросу о распространении экстремизма в исправительных учреждениях // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 1 (41). С. 87–91.
9. Казанцев А. А., Гусев Л. Ю. Угроза религиозного экстремизма на постсоветском пространстве. М., 2017. 79 с.
10. Оганесян С. С., Шамсунов С. Х. О некоторых актуальных проблемах профилактики и противодействия экстремистским и террористическим воззрениям в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 1 (61). С. 11–18. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.002.
11. Антонян Ю. М. Введение в этнокриминологию // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 153–160. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.004.
12. Пащенко И. В. Современные практики дерадикализации осужденных за проявление религиозного экстремизма: мировой опыт // Отечественная юриспруденция. 2016. № 12 (14). С. 26–33.

REFERENCES

1. Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nykh sudov obshchei yurisdiktsii i mirovykh sudei za 2020, 2021, 1 polugodie 2022 goda [Summary statistical data on the activities of federal courts of general jurisdiction and magistrates for 2020, 2021, and the 1st half of 2022]. Available at: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (accessed April 10, 2023).
2. Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2020, 2021 gody, 1 polugodie 2022 goda [Summary statistical data on the state of criminal records in Russia for 2020, 2021, and the 1st half of 2022]. Available at: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7069> (accessed April 10, 2023).
3. Uvarov I.A. Penitentsiarnaya profilaktika: teoreticheskoe obosnovanie i problemy realizatsii v kontekste dostizheniya tselei ugovornogo nakazaniya: monografiya [Penitentiary prevention: theoretical justification and problems of implementation in the context of achieving criminal punishment goals: monograph]. Moscow, 2007. 171 p.
4. Foucault M. Nadzirat' ili nakazyvat': Rozhdenie tyur'my [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow, 2016. 383 p.
5. Kudryavtsev V.N. Strategiya bor'by s prestupnost'yu [Strategy for combating crime]. Moscow, 2003. 349 p.
6. Kern S. Britain: Muslim prison population up 200%. Available at: <https://www.gatestoneinstitute.org/3913/uk-muslim-prison-population> (accessed April 10, 2023).
7. Terror inmates: countering violent extremism in prison and beyond. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-114hhrg99746/html/CHRG-114hhrg99746.htm> (accessed April 11, 2023).
8. Tsipilev S.N. On the issue of the spread of extremism in prisons. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2018, no. 41, pp. 87–91. (In Russ.).
9. Kazantsev A.A., Gusev L.Yu. Ugroza religioznogo ekstremizma na postsovetском prostranstve [The threat of religious extremism in the post-Soviet space]. Moscow, 2017. 79 p.
10. Oganessian S. S., Shamsunov S. Kh. On some urgent problems of prevention and counteraction to extremist and terrorist ideas in the Russian penal system. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1 (61), pp. 11–18. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.002.
11. Antonyan Yu.M. Introduction to Ethnocriminology. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 153–160. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.004.
12. Pashchenko I.V. Modern practices of deradicalization of convicted persons for religious extremism: world experience. *Otechestvennaya yurisprudentsiya = Domestic Jurisprudence*, 2016, no. 12 (14), pp. 26–33. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА БУКАЛЕРОВА – доктор юридических наук, профессор, проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, Москва, Россия, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, l_a_buka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2794-5074>

LYUDMILA A. BUKALEROVA – Doctor of Sciences (Law), Professor, Vice-Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Moscow, Russia, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, l_a_buka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2794-5074>

ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА КОЛПАКОВА – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, kolpachkova.liudmila1975@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9937-8462>

LYUDMILA A. KOLPAKOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, kolpachkova.liudmila1975@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9937-8462>

Статья поступила 18.04.2023

